

Циньцинь, целуй, целуй!

Хотя этот врач был самым молодым из четырех, его внешний вид говорил мне, что ему уже исполнилось сорок лет. Он был чем-то похож на моего бывшего наставника, который очень благосклонно относился ко мне в прошлом – когда он не улыбался, он выглядел знающим и почти благочестивым, а когда он улыбался, он выглядел добрым и любящим, что, естественно, заставляло меня чувствовать близость к нему.

Увидев мое неловкое выражение лица, он не стал меня волновать и объяснил: «Ты чувствуешь себя слабым и вялым и всю ночь испытываешь приливы жара? Молодой мастер Кэ, не нужно стыдиться. Это не что иное, как нормальные реакции во время процесса детоксикации».

Доктор закончил измерять мой пульс и осторожно убрал руку с моего запястья. Затем он снял с плеча аптечку, открыл ее на столе и порылся в поисках чего-то внутри.

«Ты нормально спишь и прекрасно выполняешь повседневные дела. Твоя походка устойчивая, цвет лица сносный, но пульс чрезвычайно слабый. В течение последних трех раз, когда ты принимал отвар, у тебя наблюдались легкие симптомы течи. И после этого краткий период слабости и болезненности в теле. В дополнение к другим моим суждениям, все эти симптомы указывают на то, что ты был отравлен Цветком Цюбяо».

Цветок Цюбяо...?

«Но не стоит беспокоиться. Этот яд нетрудно устранить. Основная проблема сейчас в том, что в твоём организме накопилось слишком много ядов, так что тебе, возможно, придется продолжать пить отвар еще долгое время».

Детоксикация...

«Питье отвара – палка о двух концах. Ты уже повредил селезенку и желудок предыдущими ядами, поэтому тебе нужно быть осторожнее». Наконец он нашел в своей аптечке простую белую фарфоровую бутылочку и поставил ее передо мной. «Это секретная формула нашей секты Хуэйтянь для успокоения желудка. Ты можешь принимать его с теплой водой один раз в день перед завтраком».

Я взял фарфоровую бутылку обеими руками и неоднократно поблагодарил его.

Его, казалось, позабавило мое искреннее и напуганное поведение, и он на мгновение остановился, прежде чем погладить бороду и рассмеяться: «Нет необходимости так вести себя. На этот раз Лорд Ли...» (Прим: Лорд здесь – почтительная манера обращения к начальнику Восточного депо по фамилии Ли. Совсем как в случае Лорда Вариса из «Песни Льда и

Пламени», который также является евнухом и не является настоящим лордом)

«Дужу прибыл!»

Резкое и громкое заявление младшего евнуха прервало незаконченную фразу доктора. Я повернул голову и увидел Цзюцяньсуй, входящего со скоростью молнии в своей официальной форме темно-фиолетового цвета.

Доктор встал и поклонился, и я последовал за ним. И все же я продолжал неловко стоять на месте, наблюдая, как он приближается все ближе и ближе, не зная, куда деть руки.

Несколько дней назад...

Цзюцяньсуй, кажется, сказал...

«...Ли Цинь». Мой язык чувствовал, что он больше не принадлежит мне. Произнеся эти два слова, он задрожал, как будто хотел бороться с моими зубами. В результате я стал заикаться. — Вы вернулись.

Цзюцяньсуй остановился передо мной, его высокая фигура загоразивала свет, льющийся из дверного проема, его тень полностью охватывала меня.

Совершенно естественно, что он поднял руку и погладил меня по голове. — В следующий раз тебе не нужно вставать, чтобы поприветствовать меня.

Мое сердце дрогнуло.

После этого он больше не выказывал никаких эмоций и занял место хозяина в своей величественной официальной мантии, с пронизательным и внушительным лицом.

"Ну, что?"

«Милорд, хотя яды в теле молодого мастера Кэ проявляли перекрывающиеся эффекты и их было трудно различить, судя по результатам вчерашнего приема лекарств, скрытые яды будут обнаружены после удаления поверхностных. Следовательно, метод диагностики с одновременным лечением является целесообразным. Это лишь вопрос времени, чтобы узнать обо всех источниках ядов, принимая вовремя наш отвар и проводя одну консультацию каждые три дня».

«Я хочу не только найти источник ядов».

«Мой господин, не беспокойтесь. Долг нашей секты Хуэйтянь — вылечить молодого мастера, поэтому я и мой Шишу (старый мастер) обязательно сделаем все, что в наших силах».

По мере того, как они продолжали разговор, я все больше и больше запутывался. Цзюцяньсуй, однако, больше ничего не сказал и ничего не выражающе кивнул. Затем взмахом руки он жестом приказал слугам проводить доктора обратно во двор.

Две служанки уже довольно долго ждали у двери. Цзюцяньсуй кивнул, позволяя им принести подносы с едой. На стол одну за другой выкладывали горячую пшеничную кашу, вареные яйца, мясные булочки с соусом, выпечку. В воздухе витал сладкий аромат еды.

Все это время я сидел там, чувствуя себя неловко и беспокойно, поэтому я устремил взгляд на горничную, которая, опустив голову, расставляла для меня посуду. Посмотрев на нее некоторое время, я вдруг заметил что-то необычное.

Этот человек — Сяо Ван, которая раньше служила мне во дворе.

«Дужу, она...» Я поспешно повернулся к Цзюцяньсую, чтобы спросить, когда она вышла из зала с подносом с едой.

Цзюцяньсуй не ответил и некоторое время продолжал смотреть на ее фигуру, как будто что-то обдумывая. И только когда она отошла далеко, он, наконец, подтолкнул ко мне приготовленные на пару яйца в белой фарфоровой миске и сказал: «Четверым врачам и их ученикам слишком тесно жить вместе в одном дворе. Итак, управляющий освободил твой двор для их проживания, а всех твоих слуг во дворе распределили в другое место».

«Тогда где...» я живу?

"Хм?" Он взглянул на меня.

"Ничего..."

Было начало года, поэтому Цзюцяньсуй должен был разобраться с накопившимися делами, готовясь к предстоящему Фестивалю фонарей, который приходится на пятнадцатый день первого лунного месяца. В результате Цзюцяньсуй был очень занят. Хотя он не остался на ночь во дворце, после обеда он сразу же пошел в кабинет и больше оттуда не выходил. Ему даже наспех отправили ужин в кабинет.

До того, как Его Королевское Высочество потерял благосклонность при дворе, он часто зажигал лампу и работал до поздней ночи, поэтому занятая жизнь Цзюцяньсуя не была для меня сюрпризом. В назначенное время вошла служанка и, как обычно, принесла предписанный отвар.

Цвет отвара был серовато-коричневый, с кислым и горьким запахом, той же формулы, что и тот, который я принял вчера вечером.

Я сидел за маленьким столиком, чувствуя себя расстроенным и не зная, что делать. Несмотря на то, что врач объяснил, что эффект от второй детоксикации не будет таким очевидным и сильным, одни лишь мысли о прошлой ночи все равно мешали мне спокойно принимать отвар.

Он был... в конце концов, евнухом.

Как здоровый, полноценный человек, обученный кунг-фу, как я мог мирно смириться с тем, что меня прижимает к кровати евнух и играет со мной ...

Я вздохнул про себя и коснулся внешней стенки чаши с отваром. Угольный таз в комнате был очень горячим, поэтому отвар был еще теплым и имел идеальную температуру для питья.

Хотя Цзюцяньсуй относился ко мне по-особому, самой недолговечной вещью на свете была минутная благосклонность мужчины. Предыдущий начальник Восточного депо очень любил женщин, поэтому постоянно праздновал появление в своем особняке новых красивых танцовщиц и девочек-сирот. Было время, когда его любимицей стала поющая девушка, и он даже предоставил привилегию взять ее с собой во время посещения особняка Шуньван. Тем не менее, будь то поющая девушка или какие-либо другие его фаворитки, их конечная, неизбежная судьба была одна, он замучил их до смерти.

Возьмем, к примеру, Его Королевское Высочество: когда-то он был одним из любимых принцев Императора и пользовался бесконечным почетом и славой. Но разве он тоже не упал ночью со своего высокого сиденья и не оказался в сточной канаве?

Что касается меня, то теперь я просто бессильный калека, полный болезней, мои результаты тренировок по кунг-фу полностью потеряны, без прав и сил, и я день за днем торчу в особняке Дюгоней. Если бы я потерялся под влиянием Цзюцяньсуя, будь то мое тело или мой разум, то я бы не знал, куда я мог бы пойти, если бы он отверг меня в будущем.

Когда я пришел в себя, миска с отваром в моей руке уже совсем остыла. Цзюцяньсуй поднял занавеску, вошел в спальню, нахмурился и спросил, почему я еще не принял лекарство.

«Дужу...» Я занервничал, как только увидел его. Моя рука, спрятанная в широком рукаве, туго скручивала халат. Я осторожно спросил: «Сегодня вечером я могу спать на маленькой кровати в прихожей? Дужу весь день усердно работал, поэтому я не хочу нарушать ваш отдых...» (Прим: В традиционной китайской спальне есть небольшая комната, похожая на прихожую, которая ведет в главную спальню. Небольшую комнату обычно используют слуги, выполняющие ночные дежурства)

Я сидел за столом, а он стоял рядом со мной. С этого ракурса Цзюцяньсуй казался необычайно высоким, и его внушительное присутствие было еще более угрожающим, чем обычно.

Он долго молчал.

Когда я подумал, что, возможно, он меня не слышит, он издал тихое мычание. Я не мог понять, была ли это насмешка или ухмылка.

Он протянул руку и обхватил пальцем выбившуюся прядь волос перед моим ухом.

— Не хочешь, чтобы я прикасался к тебе?

Ноготь его мизинца опасно скользнул по моему лицу и завис в уголке глаза.

«Или ты презираешь меня за то, что я не настоящий мужчина, который даже не может удовлетворить тебя?»

Его голос был таким тихим, что прозвучал как вздох; он не был ни резким, ни холодным, скорее, был похож на шепот между влюбленными.

«Что, если бы это был Шуньван?»

Мои веки дернулись от беспокойства. Холодная ладонь Цзюцяньсуя закрыла мне глаза и лишила меня зрения.

Я не двигался. Я не осмеливался пошевелиться.

Я чувствовал легкие движения, смешанные с шорохом трущихся друг о друга тканей. Однако я не мог понять, что он делает.

Этот страх перед неизвестностью заставлял мое сердце биться все быстрее и быстрее.

Мне казалось, что Цзюцяньсуй наклонился, и его теплое дыхание коснулось кончика моего носа. Я вздрогнула, но не успел откинуться назад, как что-то мягкое и теплое коснулось моих губ...

Что ...!

Слизистая полоска плоти ловко раздвинула мои губы, и вслед за ней влилось немного теплой жидкости, кислой, горькой и смешанной со слабым привкусом аромата агарового дерева.

Моя челюсть была вынуждена поднять вверх, поэтому мое горло произвольно рефлекторно сглотнуло, принимая в себя жидкость, окрашенную его вкусом.

Мой ум опустел.

Даже если бы я не видел, я должен был догадаться, что происходило.

Он согревал отвар во рту, прежде чем поцеловать меня.

Ладонь, закрывающая мои глаза, осталась на месте, и я забыл отпрянуть от нее. Все, что я знал, это то, что все мое тело онемело и горело, и я потерял все свои чувства – только прикосновение губ Цзюцяньсуя, которые неоднократно касались меня, ощущалось чрезвычайно отчетливо. Неповторимый аромат, который он нес, с его дыханием распространялся по моему лицу, а затем впитывался в мои легкие, окутывая меня, обнимая.

Никаких дальнейших действий с его стороны не последовало, но и это было уже слишком интимно. Это разрушило самогипноз, в котором я давно убедил себя, что он был просто моим начальником.

Когда он отступал, то слизывал кончиком языка смесь, вытекавшую из уголка моего рта. Всего лишь краткий контакт, и он исчез, не задерживаясь.

Это была маленькая чашка отвара, но мне потребовалась целая вечность, чтобы выпить его.

Последний глоток отвара потек по горлу в желудок, но мягкие губы и язык остались. Я услышал приглушенный звук падения фарфоровой миски на ковер, а затем рука, закрывающая мои глаза, наконец, была убрана.

Цзюцяньсуй одной рукой поддерживал меня за спину, а другой приподнял бедро. Он обнял меня, повис всем моим телом на своем и выпрямился.

Прежде чем я смог вернуться в сознание, меня ошаршила внезапная невесомость, поэтому я немедленно стиснул руки вокруг его плеч.

Похоже, я его активно приглашал.

Мир закружился, и моя спина приземлилась на мягкую поверхность. После этого тело Цзюцяньсуя накрыло мое. Не сдерживаясь, он полностью опирался на меня всем своим весом, заключив меня между собой и кроватью.

Затем действие кормления отваром превратилось в глубокий поцелуй.

Его губы прижались к моим, его язык зацепил мой язык, достигнув моего горла, заставляя меня постоянно обмениваться с ним жидкостью. Он всасывал каждый дюйм моего рта до тех пор, пока он не онемел, и даже мое чувствительное небо постоянно терлось о шероховатую

поверхность его языка.

Я чувствовал, как будто его язык мог напрямую проникнуть в мою плоть и лизнуть мою душу, заставляя меня дрожать, заставляя меня терпеть это насилие.

Я думал, что упаду в обморок, но смутно чувствовал, что у меня осталось немного сознания. Его поцелуи продолжались, от чего я постепенно запыхался, и я не мог мобилизовать руки, чтобы оттолкнуть его.

Опять и опять.

Этот безжалостный захватчик всегда отступал на несколько дюймов, прежде чем я собирался задохнуться, позволял мне сделать несколько быстрых вдохов, а затем немедленно снова захватывал меня.

«Цк, цк», — звук нашей жидкости задержался в моих ушах, и я не заметил, как мои виски стали мокрыми от пота.

Пламя свечей постепенно догорало, пока они не погасли совсем.

Занавески на кровати тоже были ослаблены, скрывая интимную сцену между нами.

Я не знал, когда это началось, и не знал, когда это закончится.

Тем, что осталось от моего сознания, мне показалось, что я услышал вздох. Кто-то шептал мне на ухо.

«...мой... Не отпущу...»

<http://bllate.org/book/14094/1239606>